Эпистемология и философия науки
2026. Т. 63. № 3. С. 78–93
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2026, vol. 63, no. 3, pp. 78–93
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202663342

Фоновое знание в научно-технических практиках: диалектика детерминации и свободы*

Столярова Ольга Евгеньевна – доктор философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2; e-mail:olgastoliarova@mail.ru

В статье рассматривается фоновое, или неявное, знание как объяснительный ресурс эпистемологии, философии и социологии науки и техники. Исходная проблема состоит в двойственном статусе этого понятия: с одной стороны, оно описывает скрытые условия формирования убеждений, навыков, методов и решений и потому несет детерминистские импликации; с другой – выступает источником ситуативной ориентации, профессиональной интуиции, новизны и свободы действия. Для преодоления этого затруднения предлагается развести две оппозиции: эпистемическую оппозицию «явное/неявное» и практико-нормативную оппозицию «автономное/гетерономное». Граница между свободой и детерминацией проходит не между явным и неявным, а между креативным освоением унаследованных структур и их механическим воспроизведением. Устанавливается корреляция гетерономного и автономизируемого модусов неявного знания, с одной стороны, с эпистемическим принуждением и сопротивлением, с другой стороны. Особое внимание уделяется технонаучным практикам, в которых трансформируется кантовская дихотомия теоретического и практического разума. Концепции фонового знания выявляют ограниченность схемы, в которой теоретическое знание связывается с описанием необходимости, а практическое измерение – со свободой. В научно-технических практиках это распределение меняется: знание воплощается в приборах, коде, интерфейсах, моделях и протоколах, превращаясь в инфраструктуру действия. Показано, что формализация не устраняет неявное знание: субъект оценивает границы применимости протокола, различает эффект и шум, соотносит автоматизированный вывод с ситуацией. На микроуровне действий индивидов и коллективов свобода проявляется как ситуативная рекомбинация навыков, интуиции и нормативных рамок, позволяющая актору отклоняться от предзаданных технологических и цифровых сценариев. На макроуровне неявное знание выступает объяснительным ресурсом исторической трансформации практик, делая видимой ограниченность прежних схем рациональности через ретроспективный сдвиг. Обосновывается ретроспективный характер различения свободы и детерминации: то, что в прошлой исторической конфигурации действует как необходимость, в последующей раскрывается как изменяемая форма организации опыта.

Ключевые слова: фоновое знание, неявное знание, артикулированное знание, ретроспективный анализ, свобода и детерминация, наследование прошлого, новизна, научно-технические практики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-28-00120 «Фоновое знание как эпистемологическая проблема». The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 25-28-00120 “Background Knowledge as an Epistemological Problem”.

© Столярова О.Е., 2026

BACKGROUND KNOWLEDGE IN SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PRACTICES: THE DIALECTIC OF DETERMINATION AND FREEDOM

Olga E. Stoliarova –
Dsc in Philosophy, Researcher.
Inter-Regional
Non-Government Organization
"Russian Society of History
and Philosophy of Science".
1/36 Lyalin Lane, bd. 2,
Moscow 105062,
Russian Federation;
e-mail: olgastoliarova@mail.ru

The article examines background, or tacit, knowledge as an explanatory resource in epistemology, philosophy, and sociology of science and technology. The initial problem lies in the dual status of this concept: on the one hand, it describes the hidden conditions for the formation of beliefs, skills, methods, and decisions, and therefore carries deterministic implications; on the other hand, it serves as a source of situational orientation, professional intuition, novelty, and freedom of action. To overcome this difficulty, the article proposes to distinguish two oppositions: the epistemic opposition between "explicit/tacit" and the practical-normative opposition between "autonomous/heteronomous". The boundary between freedom and determination does not run between the explicit and the tacit, but rather between the creative appropriation of inherited structures and their mechanical reproduction. A correlation is established between the heteronomous and autonomizing modes of tacit knowledge, on the one hand, and epistemic constraint and resistance, on the other. Particular attention is paid to technoscientific practices, in which the Kantian dichotomy between theoretical and practical reason is transformed. Conceptions of background knowledge reveal the limitations of the scheme in which theoretical knowledge is associated with the description of necessity, while the practical dimension is associated with freedom. In scientific-technical practices, this distribution changes: knowledge is embodied in instruments, code, interfaces, models, and protocols, turning into an infrastructure of action. It is shown that formalization does not eliminate tacit knowledge: the subject evaluates the boundaries of applicability of a protocol, distinguishes between effect and noise, and relates automated output to the situation. At the micro-level of actions of individuals and collectives, freedom manifests itself as a situational recombination of skills, intuition, and normative frameworks, allowing the actor to deviate from predetermined technological and digital scenarios. At the macro-level, tacit knowledge serves as an explanatory resource for the historical transformation of practices, making visible the limitations of previous schemes of rationality through a retrospective shift. The retrospective character of the distinction between freedom and determination is substantiated: what acts as necessity in a past historical configuration is revealed in hindsight as a changeable form of organizing experience.

Keywords: background knowledge, tacit knowledge, explicit knowledge, retrospective analysis, freedom and determination, inheritance of the past, novelty, scientific and technological practices

Фоновое знание как источник объяснения

Фоновое, или неявное, знание с недавних пор стало ключевым объектом внимания философов и социологов науки, специалистов в области исследований науки и технологии. Традиционно основной интерес этих специалистов был сосредоточен на явном, артикулированном знании, но впоследствии ситуация изменилась. Явное знание оказалось не в состоянии удовлетворить запросы исследователей. Если задача исследователей состоит в том, чтобы объяснять наблюдаемые феномены, то неявное знание может послужить продуктивным источником объяснения.

Принято считать, что знание указывает на такой уровень содержания когнитивного опыта, который доступен субъекту в форме отчета, формулировки и обоснования. Знание транспортируется в язык, оно представлено как высказывание, правило, инструкция, концепт или аргумент. Оно подразумевает способность субъекта занять по отношению к собственному когнитивному опыту рефлексивную позицию, сделать этот опыт предметом осознания и тем самым принять за него концептуальную и логическую ответственность. Вместе с тем предполагается, что существует такой слой когнитивного опыта, который остается вне отчетливой рефлексии переживающего данный опыт субъекта. Это слой интуитивного понимания или своего рода пред-знания, избегающий артикуляции. Он не может быть выражен ни в словах, ни в формулах, ни в инструкциях. Невозможно вербализировать и целенаправленно передать его другому в виде информации. Однако он выступает предметом анализа дистанцированного наблюдателя, который способен увидеть то, что остается принципиально невидимым для самих носителей неявного знания. Для внешнего исследователя этот фоновый, или имплицитный, слой превращается в объяснительный ресурс.

Сдвиг внимания к неявному знанию был не случаен. Классическая эпистемология, которая рассматривала познавательную деятельность в виде отчетливых идей, сформулированных правил, выраженных суждений и поддающихся экспликации процедур, обнаружила свою ограниченность [Audi, 2010; Williamson, 2000]. Было выявлено, что формально обоснованное истинное убеждение еще не гарантирует знания, поскольку успешность познания нередко зависит от факторов, избегающих формализации [Bengson, Moffett (eds.), 2011]. Эта особенность присутствует как в обыденной жизни, где мы ориентируемся ситуативно и зачастую безотчетно, так и в науке, где лабораторная работа опирается на инсайты и навыки, не сводимые к методологическим регламентам.

Анализируя представления, лежащие в основе теоретических и практических феноменов, исследователь реконструирует неявное

знание, т.е. выявляет скрытые механизмы организации представлений и действий. Эти механизмы, не будучи сами полноправной частью артикулированного и осознаваемого знания, все же каким-то не вполне рациональным образом в нем участвуют. С точки зрения Майкла Поланьи, который первым попытался концептуализировать неявное знание в систематической форме [Polanyi, 1966], они образуют фон фокуса внимания, сформированный предшествующим жизненным опытом, как личностным, так и социальным. К этому фону относятся телесные привычки и умения, инструментальные средства, невербальные подсказки, усвоенные нормы, негласные критерии надежности – все то, что передается традицией, воспитанием, совместной деятельностью и т.п. Можно назвать такой фон *практическим контекстом* как структурным условием знания, и с этой базовой идеей согласилось бы, вероятно, большинство современных исследователей неявного знания. Но нужно иметь в виду, что идея «практического контекста» чрезвычайно размыта (как и сама идея *контекста*), и в процессе ее конкретизации начинаются принципиальные разногласия [Collins, 2010; Dreyfus, 1992; Thomson (ed.), 2023; Turner, 1994].

Оттолкнемся тем не менее от этой, пусть даже сильно размытой концепции, чтобы двинуться дальше. Допустим, что практически усвоенное неявное знание влияет на формирование убеждений и действий его носителей, оставаясь скрытым от них, и открывается внешнему, дистанцированному взгляду. Данная модель выглядит детерминистической. Познающий субъект, который отдает себе отчет в своих мыслях, убеждениях и действиях, руководим не поддающимися осознанию движущими силами, причем эти последние непосредственно участвуют в формировании его самосознания. Можно ли при таких условиях защитить рациональным образом внутреннюю свободу субъекта?

Я попытаюсь ответить на этот вопрос посредством двух шагов. Во-первых, я рассмотрю фоновое знание через призму инспирированного Кантом различения теоретического и практического разума. И во-вторых, я помещу этот феномен в пространство сегодняшних научно-технических практик. В оптике кантовского различения фоновое знание обнаруживает двойственный характер. Кант соотносит теоретическое применение разума (в последующей традиции часто обозначаемое как позиция «теоретического субъекта») с областью природы. Природа понимается как порядок явлений, подчиненный законам причинной необходимости. Этот порядок воспринимается и мыслится посредством универсальных форм чувственности и категорий рассудка. С эмпирической, чувственно воспринимаемой стороны субъект и сам принадлежит природе и включен в ее причинно-следственные связи. Практическое применение разума, напротив, раскрывает способность субъекта действовать, исходя из собственного целеполагания, т.е. реализовывать особую неприродную

причинность через свободу. Согласно Канту, эта способность не определяется внешними обстоятельствами или чувственными влечениями, а руководствуется идеей морального закона [Кант, 1964]. Таким образом, практический разум выражает автономию воли, т.е. ее независимость от порядка природы и способность к спонтанному действию.

Фоновое знание, по-видимому, относится к области практического разума – хотя бы в силу того, что его вряд ли возможно отнести к теоретическому разуму. Концепция неявного знания аккумулирует те признаки, которые противоположны признакам теоретического знания. Когда исследователи говорят о неявном знании, они имеют в виду следующее: способность действовать уместно без обращения к эксплицитному правилу, использовать методы, которые не требуют вербального отчета, мгновенно оценивать ситуацию, формулировать высказывания и аргументы в рамках того, что подразумевается, но не получает выражения, всегда остается «за кадром», не имеет репрезентационального содержания [Ryle, 1949; Collins, 2010]. Неявное знание – это нечто вроде телесно-культурного режима детерминации явного знания. Соответственно, оно соединяет в себе две идеи – идею детерминации и идею практической вовлеченности субъекта в культуру и общество. Отсюда возникает трудность. В рамках кантовского различения теоретического и практического разума, которое, хотя и с существенными трансформациями, сохраняет философскую значимость до сегодняшнего дня [Brandom, 1998; Korsgaard, 1996], практическое измерение знания следует связать со свободой.

Артикулированное знание, репрезентирующее факты, процессы или положение вещей, обращено к определенному состоянию дел, которое и в природном, и в социальном мире подчинено физическим законам. В науке формализованное знание выражает необходимость, поскольку опирается на фиксированные правила, логические связи и воспроизводимые процедуры, исключающие произвол и случайность. Такого рода знание отсылает к установленным закономерностям, причинным зависимостям или нормативным конвенциям, т.е. к тому, что может быть удержано в общей форме. Фоновое знание, напротив, функционирует как источник ситуативной адаптации и творческого инсайта, оставаясь за пределами артикуляции и формализации. Если воспользоваться различием, которое авторитетный физик и исследователь формальных систем Роджер Пенроуз проводит между алгоритмическими и неалгоритмическими составляющими сознания и мышления [Пенроуз, 2004], то неявное знание окажется на неалгоритмической стороне. Согласно Пенроузу, алгоритмическое мышление по своей структуре детерминировано; оно следует заданной последовательности операций и заключается в перестановке и комбинации наличествующих элементов. Оно

не способно породить ничего принципиально нового. Неалгоритмическое мышление хотя и принадлежит в каком-то смысле сознанию, протекает подспудно и выступает источником новизны, вдохновения и спонтанности. Фоновое знание по своим характеристикам относится именно к неосознанному, имплицитному мышлению. Соответственно, в этой конфигурации понятий оно отвечает за инициативу и свободу.

Между тем, как мы утверждали выше, в современных эпистемологических исследованиях, а также в философии и социологии науки и техники фоновое, или неявное, знание описывается как скрытая основа действия. Предполагается, что оно незаметно направляет поведение, оформляет концепции, методы и ограничивает диапазон возможного. Детерминистские импликации концепта неявного знания хорошо осознаются исследовательским сообществом, о чем свидетельствует оживленная дискуссия последних лет о проблеме ответственности агента, чье поведение обусловлено имплицитными допущениями и предубеждениями [Baston, 2023; Bonicalzi, 2025; Holroyd et al., 2017]. Соответственно, один и тот же феномен может быть истолкован двояко: либо как носитель практической инициативы, либо как фоновая детерминанта, действующая «за спиной» субъекта и служащая источником объяснения для дистанцированного наблюдателя. Таким образом, неявное знание парадоксально выступает в двух противоположных модусах – как каузальная сила и как источник спонтанности. К тому же, если мы согласимся с тем, что неявное знание есть источник свободы, и одновременно допустим, что артикулированное знание, которое мы связываем с естественной и социальной необходимостью, обусловлено неявным знанием, то мы получим еще один парадокс: необходимость выраженного и сформулированного знания окажется вызвана к жизни спонтанностью имплицитно протекающих процессов. Не лучше ли в таком случае полностью развести эти два вида знания, приписав их двум взаимоисключающим областям, наподобие того, как это сделал в свое время Кант в отношении теоретического и практического разума, и рассматривать их отдельно друг от друга?[1]

[1] Подобным образом поступает Х. Дрейфус, предлагая считать, что знание-как и знание-что не только несводимы друг другу, но, более того, исключают друг друга. Дрейфус убежден: чем больше рефлексивного содержания в практических диспозициях, тем меньше в них умения, т.е. экспертного действия [Dreyfus, 2005]. Дальнейшее развитие точки зрения Дрейфуса в направлении радикального габитуализма см.: [Cappuccio, 2023]. Мне ближе позиция Дж. Макдауэлла, который защищает концепцию дорефлексивного, но при этом концептуального содержания неявного знания. Дискуссию Макдауэлла и Дрейфуса о природе дорефлексивного опыта и статусе концептуального знания см.: [Dreyfus, 2007a; Dreyfus, 2007b; McDowell, 2007a; McDowell, 2007b].

Однако такое решение нельзя признать удовлетворительным. Во-первых, неявное знание обретает существование и смысл только в своем отношении к выраженному знанию. Или следует вообще отказаться от концепции неявного знания, или придется сохранить за ним роль скрытого обуславливающего фактора, который реализуется внешним, явным образом [Воеводенко, 2025][2]. Во-вторых, влиятельная линия современной эпистемологии и посткантовской философии настаивает на том, что жесткое разведение навыка и рефлексии, рецептивности и спонтанности, восприятия и суждения, действия и знания искажает структуру самой рациональной практики. Их изоляция друг от друга искусственно разрывает «пространство оснований» [McDowell, 1994], в котором все эти элементы функционируют во взаимной связи [Касавин, 2013; Лекторский, 2001]. Наконец, жесткая дихотомия навыков и формулировок, парадигмы и опыта не выдерживает встречи с реальной научно-технической деятельностью: артикулированные правила без фоновых навыков не работают, а имплицитные знания и умения без как минимум частичной артикуляции не могут быть ни переданы, ни критически скорректированы.

[2] Попытка избежать этой дилеммы, выводя неявное знание за пределы концептуального порядка, предпринята в работе Х. Дрейфуса и Ч. Тейлора *Retrieving Realism*. Авторы предлагают отказаться от репрезентационалистской картины мира в пользу модели практического вовлечения, где первичным оказывается телесное умение (*coping*) и дорефлексивная ориентация в среде [Dreyfus, Taylor, 2015]. Однако, если практический фон действительно первичен, он должен быть включен и в объяснение исторической смены концептуальных схем: почему репрезентационализм приобрел статус самоочевидности и как позднее открылась возможность его критики. Без такого механизма подход сохраняет преимущественно синхронный характер: дорефлексивная практика описывает первичный контакт с миром, но не диахронию рациональности. Чтобы избежать дуализма между статичным фоном и историей концептуальных артикуляций, необходимо показать, как практический фон трансформируется и каким образом прежняя самоочевидность опыта делается доступной ретроспективной рефлексии и критическому присвоению. Здесь обнаруживается, что полное разведение практики и концептуального порядка вряд ли возможно. Практический фон не является статичным внешним условием; он участвует в историческом изменении картин мира. То, что изначально задавало горизонт самоочевидности, впоследствии раскрывается как одна из альтернатив и превращается в материал для критики. В таком случае сам отказ от репрезентационализма указывает на темпоральную связь между телесным вовлечением и рациональной артикуляцией, а также на то, что историческая трансформация рациональности укоренена в способности когнитивного опыта переосмыслять собственные неявные условия.

Практические режимы фонового знания

Затруднение, вызванное тем, что фоновому знанию может быть приписана способность порождать одновременно свободу и необходимость, преодолевается за счет различения двух оппозиций: эпистемической оппозиции «явное/неявное» и практико-нормативной оппозиции «автономное/гетерономное». Эти различия пересекаются, но не совпадают. Иначе говоря, и неявное, и явное знание могут функционировать как в автономном, так и в гетерономном режиме. Неявное знание не является свободным только потому, что оно имплицитно; оно может быть условием умелого и осмысленного действия, но может также выступать формой привычки или социальной инерции. Точно так же явное знание не является детерминирующим только потому, что оно эксплицировано: правило, норма или теория могут быть как внешним протоколом, так и осознанным основанием действия.

Условием свободы, таким образом, выступает не неявное знание само по себе и не его исчерпывающая рефлексивная подотчетность, которая по определению невозможна, а способность субъекта осваивать и актуализировать унаследованные структуры в конкретной ситуации. Свобода проявляется там, где субъект не просто воспроизводит наличную схему, но способен уместно применить ее, скорректировать или преобразовать в ответ на требования новых обстоятельств. Детерминация, соответственно, проявляется не в самой зависимости от унаследованных структур, поскольку эта зависимость неизбежна, а в таком способе их реализации, при котором они воспроизводятся как внешняя необходимость, привычный автоматизм или самоочевидный порядок. Поэтому граница между свободой и детерминацией проходит не между неявным и артикулированным знанием, а между креативным освоением сложившихся структур и их механическим воспроизведением. Можно быть пленником эксплицитных правил так же, как и пленником неотрефлексированной установки; и наоборот, неявный навык может быть не препятствием для свободы, а условием практической ориентации, если он позволяет субъекту попадать в социальные «ноты», т.е. действовать уместно и гибко в конкретных обстоятельствах. Когда актор способен критически соотносить формальный протокол с ситуативным контекстом, оценивать границы применимости модели и брать на себя ответственность за отклонение от стандарта ради эпистемической или этической целесообразности, неявное знание перестает быть слепой детерминантой и становится условием автономного действия. Напротив, когда экспликация превращается в навязанный сценарий, а навык – в рутинизированную привычку, субъект оказывается в положении гетерономного исполнителя.

Впрочем, различие между свободой и детерминацией едва ли может быть в полной мере доступно участникам практики в момент действия. Присутствие неявного знания как элемента структуры когнитивного опыта придает вопросу о свободе или обусловленности познающего агента ретроспективное измерение. Вопрос проясняется не из абсолютной внешней точки обзора, а из более поздней историко-культурной ситуации, в которой прежняя форма практики утратила самоочевидность и предстала как одна из возможных. Ретроспекция обнаруживает и скрытые ограничения прошлого, и те альтернативы, которые для самих участников практики еще не могли быть предметом полностью осознанного выбора. В данном случае я имею в виду актуальные ревизии кантовского разведения теоретического и практического разума, которые являются результатом ретроспективного сдвига. Концепции неявного знания выявляют ограниченность кантовской модели, поскольку нарушают ее базовое распределение ролей: теоретическое знание не сводится к описанию необходимости, а практический разум не исчерпывается автономным самоопределением субъекта. Возможность увидеть эту ограниченность возникает в иной социотехнической реальности, где альтернативы прежним практическим и концептуальным диспозициям уже осуществились.

Обратимся к научно-техническим практикам как наиболее в данном отношении показательным. Цифровизация, автоматизация, алгоритмическая обработка данных, стандартизация и платформизация науки существенно расширяют сферу явного знания: все больше процедур переводится в форму инструкций, интерфейсов, моделей, протоколов и воспроизводимых пайплайнов. Но растущая экспликация не устраняет неявное знание. Напротив, по мере усложнения социотехнических систем возрастает роль тех форм практической компетенции, которые невозможно полностью заменить формальными правилами. Ученый, инженер или врач должны не только следовать протоколу, но и распознавать момент, когда протокол оказывается недостаточным; не только доверять автоматизированному выводу, но и оценивать границы его применимости; не только использовать автоматизированную систему, но и удерживать возможность ситуативного выбора там, где алгоритмическая логика исчерпывает себя [Collins, 1990; Collins, 2010].

Целесообразно провести различение двух модусов реализации фонового знания, каждый из которых признается заслуживающим внимания в современной аналитике. С одной стороны, существует *гетерономное неявное знание*: это инфраструктурные зависимости, алгоритмические «черные ящики», рутинизированные навыки и дисциплинарные привычки, которые действуют на актора как внешняя необходимость, не поддающаяся критическому учету и пересмотру. Здесь субъект становится проводником скрытых детерминант, а его свобода оказывается под вопросом. С другой стороны, существует

автономизируемое неявное знание: это профессиональная интуиция, ситуативная грамотность, тактильное различение и способность к импровизации. Такое знание становится условием свободы, когда субъект способен творчески присвоить его как основание собственного действия, а не воспроизводить механически.

Это различение коррелирует с описанной Стивеном Тернером диалектикой эпистемического принуждения и сопротивления [Turner, 2024]. Гетерономный модус соответствует формам цифрового кураторства, алгоритмической стандартизации и унификации исследовательских схем, которые конструируют гомогенную (в терминологии Тернера) когнитивную среду и создают иллюзию выбора, систематически скрывая альтернативные эпистемические траектории. В таких условиях неявное знание индуцируется контролируемыми входами, превращая актора в объект того, что Тернер называет «эпистемическим инжинирингом» [Ibid., p. 29]. Напротив, автономизирующий модус опирается на гетерогенное, личностно укорененное знание, которое Тернер рассматривает как главный ресурс сопротивления. Поскольку оно формируется через разнообразный, часто не координируемый опыт взаимодействия с миром, оно порождает «интуитивное чутье» (gut feelings) и когнитивный диссонанс при столкновении с выстроенным консенсусом. Именно неустранимая гетерогенность препятствует полной эпистемической гомогенизации и сохраняет возможность критической дистанции [Ibid., p. 35].

От ситуативной новизны к ретроспективной диагностике

Свобода в этой конфигурации реализуется через расхождение с унаследованными структурами. Это происходит и на микроуровне, о котором говорит Тернер, и на макроуровне, который я считаю нужным добавить к данной картине. На микроуровне свобода проявляется как актуализация новизны в моменте практического становления. Гетерогенная текстура неявного опыта, на которую указывает Тернер, выступает здесь не только фоном сопротивления, но и ресурсом творческого отклонения от предзаданных схем. Специалист никогда не начинает познание из пустоты: он наследует протоколы, профессиональные привычки, интерфейсные подсказки, статистические выводы, дисциплинарные нормы и предшествующий опыт. Однако эти элементы не образуют линейной причинно-следственной цепи. В конкретной ситуации они заново соотносятся друг с другом, получают различный вес и могут быть актуализированы в практическом решении иначе, чем это предполагает их стандартное применение.

Это хорошо видно на примере использования систем искусственного интеллекта в клинической практике. Система предоставляет вероятностное заключение, опираясь на эксплицитные метрики, тренировочные данные и заданную архитектуру модели. Однако врач не просто «считывает» этот результат как готовое основание действия. Он включает его в более сложную конфигурацию: сопоставляет с анамнезом, состоянием пациента, возможными исключениями, этическими ограничениями и собственным клиническим опытом, который не может быть полностью переведен в формальную процедуру. Технологии не задают действие с необходимостью, а намечают определенный сценарий, выделяют одни параметры как значимые, другие оставляют на периферии, предлагают вероятностный маршрут решения [Rosenberger, Verbeek, 2015]. Этот маршрут не исчерпывает самой ситуации. Между алгоритмическим выводом и клиническим действием остается зазор, в котором возможно новое соединение разнородных условий: статистического результата, телесной симптоматики, профессиональной интуиции, этической нормы[3].

Неявное знание в этом случае не совпадает с «черным ящиком» модели. Скорее, оно проявляется как клиническая грамотность врача: способность отличить значимый сигнал от статистического артефакта, ограничить действие протокола, увидеть в специфических обстоятельствах то, что не было заранее предусмотрено общей схемой. Поэтому автономизирующий модус неявного знания состоит не в отказе от технической обусловленности, а в ее переработке. Алгоритм, протокол и интерфейс становятся не внешней необходимостью, а материалом нового акта практики. Сопротивление гомогенизирующему давлению цифрового кураторства, о котором говорит Тернер, выражается в появлении непредсказуемого элемента внутри самой практики. Действие перестает быть механическим воспроизведением уже заданной последовательности и становится ситуативной рекомбинацией, где интуиция, этическая рамка, профессиональный опыт и алгоритмический вывод собираются в новую конфигурацию решения. Свобода здесь не предшествует ситуации как готовая способность

[3] В сегодняшних эмпирических и методологических исследованиях медицины рассматриваются вопросы о том, как ИИ внедряется в клиническую практику и что именно делает решение врача, использующего ИИ в диагностике и лечении, правильным, или успешным. Эти исследования показывают, что клиническое решение с участием ИИ не сводится к принятию алгоритмической рекомендации, которую выдает система: оно предполагает интуитивную и рефлексивную оценку клинической уместности, этических последствий, специфических характеристик пациента и иных привходящих условий. Медицинский ИИ описывается не как заместитель врача, а как социотехническая поддержка клинического рассуждения, требующая профессиональной интерпретации и ситуативного применения [McCradden et al., 2025; Sokol et al., 2025].

субъекта; она возникает в процессе преобразования унаследованных условий в конкретный ответ.

Аналогичным образом в лабораторной или инженерной практике стандартизированная процедура не устраняет необходимости ситуативного различения. Когда прибор ведет себя нестабильно, данные расходятся с ожиданиями, а инструкция не покрывает пограничный случай, успешность действия зависит от способности заново определить, что именно считать ошибкой, отклонением, шумом или значимым эффектом. Здесь фоновое знание проявляется как умение работать с неустойчивостью: не воспроизводить установленную последовательность операций, а переопределять ее в ответ на сопротивление материала, оборудования или самой исследовательской ситуации[4].

Поэтому на микроуровне свобода состоит не в том, что субъект выходит за пределы предзаданных условий, а в том, что он способен иначе собрать доступные ему данные. Прошлое присутствует в действии как привычка, навык, протокол, техническая среда и дисциплинарная норма, но оно не диктует форму своего продолжения. Именно возможность нового способа наследования отличает автономизируемое неявное знание от гетерономного: первое открывает пространство для вариации и коррекции, второе замыкает действие в уже сложившейся схеме.

Переходя на макроуровень, мы констатируем историческое изменение архитектуры научно-технических практик. На этом уровне фоновое знание присутствует не только как элемент индивидуального выбора, проявляющийся в частном решении врача, инженера или исследователя. Оно становится источником объяснения исторической трансформации теорий и практик рационального действия: позволяет понять, почему определенные формы связи между знанием и действием воспринимались как безальтернативные, а затем утратили самоочевидность. В исторической перспективе расхождение с прошлым заметнее, чем на уровне отдельного действия. В конкретной ситуации трудно различить, является ли отклонение от протокола ошибкой, профессиональной интуицией или действием скрытой

[4] В этом отношении показателен описанный Гарри Коллинзом феномен регресса экспериментатора: корректность экспериментального результата не может быть установлена независимо от оценки корректности экспериментальной процедуры, тогда как корректность процедуры, в свою очередь, часто распознается через ожидаемый или признанный результат [Collins, 1985]. Поэтому экспериментальная ситуация не исчерпывается следованием протоколу. Она требует неявной компетентности, позволяющей определить, работает ли прибор, применим ли стандарт, является ли расхождение помехой или свидетельством нового эффекта. Анализ регресса экспериментатора дополнен в работе [Feest, 2016], в которой показано, как неявное знание участвует в производстве новых научных результатов в условиях неопределенности протоколов, данных и экспериментов.

привычки. Но на более длинной дистанции становится видно, какие формы фонового знания закрепляли старые режимы действия, а какие открывали возможность их переоформления. Поэтому фоновое знание оказывается не только предметом объяснения, но и объяснительным ресурсом: посредством него можно реконструировать, каким образом меняются сами условия того, что считается знанием, нормой, ошибкой, свободой, необходимостью, ответственным действием и т.д.

В современной научно-технической ситуации прежнее распределение ролей между теоретическим знанием и практическим действием существенно трансформируется. В кантовской модели теоретический разум конституировал знание о природе как сфере необходимости, а технически-практическое применение знания относилось к области гипотетических императивов. Сегодня научное знание производится и функционирует в материально-технической и цифровой форме: оно воплощается в приборах, программном коде, интерфейсах, системах классификации и вычислительных моделях. Эти формы не только представляют объект, но и задают способы его операционализации; не только фиксируют результат познания, но и организуют последовательность действий, распределяют внимание и участвуют в принятии решений. Теоретическое знание тем самым становится операциональной инфраструктурой практики.

В этих условиях действующий субъект сталкивается не с внешним порядком природы, но с технически объективированными схемами организации окружающего мира. Они заранее задают допустимые ходы, параметры видимости и режимы принятия решений, но не исчерпывают самого действия. Поэтому вопрос о свободе смещается: он касается не противопоставления внутренней воли и внешней необходимости, а способности актора работать с воплощенными схемами знания, не растворяясь в них. Фоновое знание выступает здесь медиатором, позволяющим удерживать дистанцию по отношению к готовым техническим сценариям и заново определять, что в данной ситуации считать значимым, достаточным или обязательным.

Таким образом, новая социотехническая конфигурация выступает одновременно как условие ретроспективной диагностики и как основание для концептуального обновления. Во-первых, она выявляет ограниченность кантовского разведения теоретического и практического разума: в современных практиках знание, техническая инфраструктура и нормативность не распределяются по разным областям, а образуют единую подвижную конфигурацию. Во-вторых, она позволяет зафиксировать новизну современной схемы, в которой свобода мыслится не как трансцендентальный разрыв с обусловленностью, а как процессуальное достижение, т.е. как непрерывная интерпретация и переработка наследуемых условий.

Заключение

Подведем итог. Двойственный характер фонового знания, в котором свобода спорит с детерминацией, обусловлен его включенностью в различные режимы осуществления практики. В одном случае оно закрепляет сложившиеся схемы действия, поддерживает дисциплинарную инерцию, алгоритмическую стандартизацию и инфраструктурные зависимости; в другом – открывает возможность вариации, коррекции и новизны. Свобода в таком понимании принадлежит не изолированному субъекту и не самодостаточному акту разумной воли, а процессу изменения практик, в котором прежние связи между знанием и действием теряют самоочевидность и становятся доступными для ситуативной коррекции и критического пересмотра.

Это не означает, что позиция критического пересмотра не имеет собственных неявных предпосылок. Напротив, она также опирается на свои слепые зоны, фоновые навыки, инфраструктуры и режимы самоочевидности, которые могут быть раскрыты только будущей ретроспективной критикой. Поэтому свобода и детерминация предстают не как абсолютные свойства субъекта или действия, а как исторически подвижные способы отношения к унаследованным структурам: то, что в одной конфигурации опыта действует как необходимость, в другой может стать материалом для переописания, ограничения и нового практического осуществления.

Список литературы

Воеводенко, 2025 – *Воеводенко А.В.* Стратегии определения неявного знания: М. Полани, Г. Коллинз, С. Тернер // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2025. № 3. С. 94–111.

Кант, 1965 – *Кант И.* Основы метафизики нравственности. 1785 // *Кант И.* Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). Т. 4. Ч. I. С. 219–310.

Касавин, 2013 – *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 557 с.

Лекторский, 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Пенроуз, 2004 – *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 398 с.

References

Audi, 2010 – Audi, R. *Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge*. New York: Routledge, 1998.

Bengson, Moffett (eds.), 2011 – Bengson, J., Moffett, M.A. (eds.) *Knowing How: Essays on Knowledge, Mind, and Action*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Baston, 2023 – Baston, R. "The Nurturing Stance, Moral Responsibility, and the (Implicit) Bias Blind Spot", *Journal of the American Philosophical Association*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 1–20. DOI: 10.1017/apa.2021.45.

Bonicalzi, 2025 – Bonicalzi, S. "Implicit Biases and Habitual Cognition: Challenges for Moral Responsibility", *Topoi*, 2025, [https://link.springer.com/article/10.1007/s11245-025-10335-9?utm_source=chatgpt.com, accessed on 21.05.2026].

Brandom, 1998 – Brandom, R.B. *Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. Harvard University Press, 1998.

Cappuccio, 2023 – Cappuccio, M.L. "Dreyfus is Right: Knowledge-That Limits Your Skill", *Synthese*, 2023, 202, 85, [https://doi.org/10.1007/s11229-023-04248-6, accessed on 27.05.2026].

Collins, 1985 – Collins, H.M. *Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice*. Sage, 1985.

Collins, 1990 – Collins, H.M. *Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines*. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 1990.

Collins, 2010 – Collins, H.M. *Tacit and Explicit Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Dreyfus, 1992 – Dreyfus, H.L. *What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.

Dreyfus, 2005 – Dreyfus, H.L. "Overcoming the Myth of the Mental: How Philosophers Can Profit from the Phenomenology of Everyday Expertise", *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 2005, vol. 79, pp. 47–63.

Dreyfus, 2007a – Dreyfus, H.L. "The Return of the Myth of the Mental", *Inquiry*, vol. 50, no. 4, pp. 352–365. https://doi.org/10.1080/00201740701492174

Dreyfus, 2007b – Dreyfus, H.L. "Response to McDowell", *Inquiry*, vol. 50, no. 4, pp. 371–377. https://doi.org/10.1080/00201740701492224

Dreyfus, Taylor, 2015 – Dreyfus, H., Taylor, Ch. *Retrieving Realism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

Feest, 2016 – Feest, U. "The Experimenters' Regress Reconsidered: Replication, Tacit Knowledge, and the Dynamics of Knowledge Generation", *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 2016, vol. 58, pp. 34–45.

McCradden et al., 2025 – McCradden, M.D. Thai, K., Assadi, A. et al. "What Makes a 'Good' Decision with Artificial Intelligence? A Grounded Theory Study in Paediatric Care", *BMJ Evidence-Based Medicine*, 2025, vol. 30, pp. 183–193. DOI: 10.1136/bmjebm-2024-112919.

Holroyd et al., 2017 – Holroyd, J., Scaife, R., Stafford, T. "Responsibility for Implicit Bias", *Philosophy Compass*, 2017, vol. 12, no. 3, e12410. DOI: 10.1111/phc3.12410.

Kant, 1965 – Kant, I. “Osnovy metafiziki nravstvennosti” [Grundlegung zur Metaphysik der Sitten], in: I. Kant, *Sochinenija* [Works], vol. 4, part 1. Moscow: Mysl’, 1965, pp. 219–310. (Trans. into Russian)

Kasavin, 2013 – Kasavin, I.T. *Social’naja jepistemologija: fundamental’nye i prikladnye problemy* [Social Epistemology: Fundamental and Applied Problems]. Moscow: Al’fa-M, 2013. (In Russian)

Korsgaard, 1996 – Korsgaard, C.M. *Creating the Kingdom of Ends*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1996.

Lectorsky 2001 – Lectorsky, V.A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Classical and Nonclassical Epistemology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. (In Russian)

McDowell, 1994 – McDowell, J. *Mind and the World*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

McDowell, 2007a – McDowell, J. “What Myth?”, *Inquiry*, vol. 50, no. 4, pp. 338–351. https://doi.org/10.1080/00201740701492158

McDowell, 2007b – McDowell, J. “Response to Dreyfus”, *Inquiry*, vol. 50, no. 4, pp. 378–380. https://doi.org/10.1080/00201740701492232

Penrose 2004 – Penrose, R. *Novyj um korolya. O kompyuterax, myshlenii i zakonax fiziki* [The Emperor’s New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. (Trans. into Russian)

Polanyi 1966 – Polanyi, M. *The Tacit Dimension*. New York: Doubleday & Co., 1966. 108 pp.

Rosenberger, Verbeek 2015 – Rosenberger, R., Verbeek, P.-P. *Postphenomenological Investigations: Essays on Human – Technology Relations*. Lanham: Lexington Books, 2015.

Ryle, 1949 – Ryle, G. *The Concept of Mind*. London: Routledge, 2000.

Sokol et al., 2025 – Sokol, K., Fackler, J., Vogt, J.E. “Artificial Intelligence Should Genuinely Support Clinical Reasoning and Decision Making to Bridge the Translational Gap”, *npj Digital Medicine*, 2025, 8, 345. https://doi.org/10.1038/s41746-025-01725-9.

Thomson (ed.), 2023 – Thomson, J.R. (ed.) *The Routledge Handbook of Philosophy and Implicit Cognition*. London and New York: Routledge, 2023.

Turner, 1994 – Turner, S. *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions*. Cambridge: Polity Press, 1994.

Turner, 2024 – Turner, S.P. “Epistemic Coercion”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 3, pp. 21–38. https://doi.org/10.5840/eps202461337

Voevodenko 2025 – Voevodenko, A.V. “Strategii opredeleniya neyavnogo znaniya: M. Polani, G. Kollinz, S. Terner” [Strategies for Defining Tacit Knowledge: M. Polanyi, H. Collins, S. Turner], *Digital Scholar: Philosopher’s Lab,* 2025, no. 3, pp. 94–111. DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-3-94-111. (In Russian)

Williamson, 2000 – Williamson, T. *Knowledge and Its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2000.